

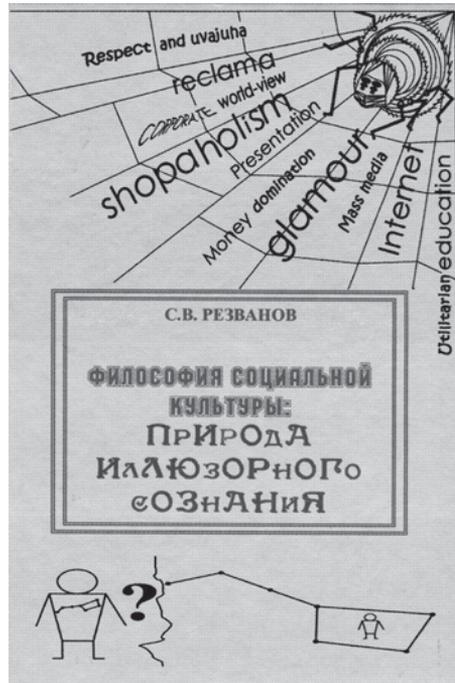
АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Иллюзии осознанного бытия

В свободное от идеологической службы время советские философы написали немало интересного. Тексты эти зачастую оставались в столе и лишь теперь, годы спустя, один за другим выходят в свет — причем «раскопки» в архивах Э. В. Ильенкова, М. К. Петрова, Мих. Лифшица затронули пока лишь верхние пласты советского философского наследия. Книга С. В. Резванова, как сообщается в авторском предисловии, представляет собой доработанную диссертацию 1970-х годов. Посвящена она «светлой памяти Эвальда Васильевича Ильенкова», оппонировавшего на защите той диссертации в Ленинграде за год с небольшим до своего ухода из жизни.

Тема книги, иллюзорное сознание, — из числа излюбленных у философов. Еще Гераклит считал большинство людей спящими наяву, требуя от мудреца «распознавать мнимое»; а на Востоке йоги пытались стряхнуть с души наваждение Майи.

С. В. Резванов. Философия социальной культуры: Природа иллюзорного сознания. Ростов-на-Дону, РГСУ, 2011. 334 с.

С. В. Резванов не считал нужным вглядываться в эти философские дали. За точку отсчета принимается бэконовская теория «идолов», искривляющих образ мира в «зеркале» человеческого ума. Впрочем, то был всего лишь «нерефлексивный прообраз» историко-материалистической критики, «так как Бэкон еще не соотносит иллюзорное сознание с общественным бытием» (С. 67).

Собственное исследование Резванова протекает в плоскости, заданной «Капиталом» К. Маркса, особенно знаменитой главой о «фетишистском характере товара» («Der Fetischcharakter der Ware», в русском переводе И. И. Скворцова-Степанова — «товарный фетишизм»). В ней повествуется о том, как и почему обычные чувственно воспринимаемые вещи, попадая на рынок, «становятся на голову» и начинают жить самостоятельной жизнью, подчиняя себе своих творцов.

В книге Резванова ставится задача раскрыть механику детерминации ил-

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор кафедры философии Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

люзорного сознания «извращенным» общественным бытием. Первая часть монографии посвящена поискам источников иллюзорного сознания, в части второй исследуется немецкий классический идеализм как высшая, рафинированная форма иллюзорного самосознания. Высшая потому, что в ее лоне вызревают две теоретические предпосылки истинного, реалистического взгляда на мир, каковым является материалистическое понимание истории. Эти две предпосылки — диалектическая логика и понятие труда — вскоре сделаются краеугольными камнями «науки истории» Маркса. (Заметим, что Гегель первым «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*»¹.)

На всем протяжении работы С. В. Резванов подчеркнуто хранит верность марксистской методологии. Ни тени сомнения в ее применимости ко всему и вся в общественной жизни, ни единой поправки, не говоря уже о критических замечаниях в адрес Маркса. В советской диссертации, понятно, ничего такого быть не могло — но ведь в книге обсуждаются и современные реалии, далеко не всегда вписывающиеся в нарисованную автором «Капитала» картину эволюции буржуазного общества, с перспективой «абсолютного обнищания» пролетариата и «накопления нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации»².

Кроме того, в «эвристическом ядре» марксистской методологии исследования общественного сознания имеются проблемные моменты, заслуживающие критического внимания, — даже если Маркс, как жена Цезаря, выше подозрений. Один такой момент стоит обсудить подробнее, поскольку он образует логическую ось материалистического понимания истории вообще и работы С. В. Резванова в частности.

«Жизнь определяет сознание [das Leben bestimmt das Bewußtsein]», — декларируют авторы «Немецкой идеологии»³. Можно понять это в том смысле, что жизнь и со-

знание — *две разные сферы*, первая из которых детерминирует вторую. Именно так эти слова прочтываются подавляющим большинством марксистов, в том числе и Резвановым. Но, быть может, перед нами очередная иллюзия, естественным образом складывающаяся в обществе, покоящемся на разделении труда?

Поначалу производство сознания «непосредственно вплетено» (unmittelbar verflochten) в материальную деятельность людей, «в язык реальной жизни», говорится в «Немецкой идеологии». Лишь с того момента, когда труд разделяется на материальный и духовный, «сознание *может* действительно вообразить себе, что оно есть нечто иное, чем осознание существующей практики»⁴. Если так, может ли идти речь о *детерминации* сознания бытием?

Действительно, отношение детерминации возможно лишь там, где есть *две разные* вещи или же деятельности, одна из которых является причиной другой. Как шутил Генрих Гейне, добродетельным можно быть и в одиночку, а для греха всегда нужны двое. Если сознание всего лишь воображает себя чем-то отличным от бытия, а на деле таковым не является, значит, и детерминация сознания бытием является отношением воображаемым, то есть иллюзией. На полях возле слов о воображаемой эмансипации сознания от практики Маркс оставил пометку: «С этим совпадает первая форма идеологов, попы». Таким образом, эта иллюзия — *идеологическая*, более того, она лежит в основе любой идеологии.

На самом деле сознание является формой *самодетерминации* общественного бытия (практики). Это особый *способ отражения* бытия в себе самом. Бытие может выражаться в формах сознания, то есть быть «осознанным бытием», а может и нет. Сознание может выражать бытие адекватно либо неадекватно, ухватывать самую суть дела либо поверхностные связи вещей. Так или иначе, любая активность сознания есть лишь «инобытие» практической деятельности людей, преобразующей как внешнюю природу, так и самих людей.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 159.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 660.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. С. 25.

⁴ Там же. С. 24, 30.

«Конечно, отношение материальных и идеальных компонентов общественной жизни есть взаимодействие, взаимопревращение», — пишет С. В. Резванов (С. 156). То же самое говорилось в любом советском учебнике по марксистско-ленинской философии. А вот в «Немецкой идеологии» ни о каком взаимодействии сознания и бытия или обратном воздействии сознания на бытие нет ни слова. Мораль, религия, метафизика и другие формы сознания рассматриваются здесь как «идеологические отражения и отзвуки», а то и как всего-навсего «необходимые испарения» (*notwendige Sublimate*) практической жизни людей.

Отстаивая представление о «взаимодействии духовного и материального», С. В. Резванов апеллирует к известному письму Ф. Энгельса Й. Блоху. Как писал Энгельс, у нас с Марксом (который к тому времени уже умер) «не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное» обратному воздействию идеального на материальное (надстройки — на базис, политических, юридических, религиозных, философских и прочих теорий и догм — на экономику). Однако как только дело доходило до «практического применения» историко-материалистических принципов, «тут уже не могло быть никакой ошибки»⁵.

Объяснение это вызывает немало вопросов. Впервые формулируя принципы материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс ни разу даже не заикнулись про обратное воздействие «испарений» сознания на общественное бытие. Неужто им не хватило места и времени хоть парой строк указать на столь важную сторону дела? С. В. Резванов неоднократно и подчеркнуто прибавляет к словам о взаимодействии материального и духовного предикат «диалектическое». Какая же диалектика без взаимодействия? Ну а коль скоро в «Немецкой идеологии» нет речи о взаимодействии сознания и бытия, напрашивается вывод, что формула «бытие (жизнь) определяет сознание» сама по себе *недиалектична* — что она является метафизически односторонней.

Что же помешало авторам книги дополнить ее тезисом об «обратном воздействии» сознания на бытие? Чересчур увлеклись полемикой с немецкими идеологами или же тому виной дефицит «места и времени»? Я так не думаю. В «Немецкой идеологии» четко и жестко сформулированы основоположения материалистического понимания истории. Если в дальнейшем «практическом применении» Маркс и Энгельс заговорили про «обратные воздействия» сознания на бытие, значит, им не удалось — или, по крайней мере, не всегда удавалось — удержаться на высоте историко-материалистических принципов. (Миф о теории, «вылитой из одного куска стали», мы оставляем для легковерных. Вряд ли такие теории вообще возможны.)

Диалектическое взаимодействие всегда есть *действие на самое себя*. Типичный пример — спинозовская *causa sui*. Представление же о взаимодействии материального и духовного характерно для метафизики. У Декарта дух и тело взаимодействуют, у Спинозы — нет. Разговор о взаимодействии духа и тела возможен лишь при условии допущения, что душа и тело — вещи разные. Если же это *два выражения* (модуса или атрибута) одной вещи (субстанции), то никакого взаимодействия между ними нет и быть не может. Последнюю формулу как раз и отстаивал вслед за Спинозой Э. В. Ильенков.

Материалистическое понимание истории принимает за субстанцию *труд*, процесс практического изменения человеком природы, в том числе и своей собственной природы — ансамбля общественных отношений», образующих сущность человека, по Марксу. Сознание является «модусом», идеальной формой осуществления и самовыражения общественного труда (бытия). Никакое «обратное воздействие» модуса на субстанцию невозможно. Такое представление не дружит ни с материализмом, ни с диалектической логикой. Если «в мире нет ничего, кроме движущейся материи», то и взаимодействовать ей, материи, не с чем, кроме себя самой.

В конкретно-историческом исследовании трудно удержаться на высоте материалистической диалектики, особенно если ты занимаешься политикой. Примеры «обратного воздействия» политики на

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 37. С. 396.

экономику со всех сторон просто-таки бьют в глаза, не менее очевидные, чем вращение Солнца вокруг покоящейся Земли. И столь же *иллюзорные*.

В «практическом» же плане вполне нормально говорить о воздействии политики на экономику. Эта иллюзия объективна и полезна для жизни — так же, как иллюзия покоящейся земной тверди. Трезвенник вправе потешаться над пьяницей, у которого плавает земля под ногами. А ведь «по Копернику» пьяница чуть ближе кистине. Есть доля истины и в вине. Истина обитает не только в научных теориях, но и в иллюзиях. Другое дело, что «расшифровать» иллюзорные формы ее инобытия можно лишь с помощью научной теории. С. В. Резванов совершенно верно ставит эту задачу и предлагает несколько удачных ее решений применительно к современным реалиям общественной жизни. Немало блестящих опытов такого рода проделали и отцы-основоположники. Хотя практически-политическая работа, которую они вели, порою сильно деформировала их диалектико-материалистические принципы.

Так, поистине удивительно встречать в «Капитале» Маркса слова о некоем «царстве свободы» (*Reich der Freiheit*), что якобы «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства [*jenseits der Sphäre der eigentlichen materiellen Produktion*]»⁶. Если, как утверждает Маркс, в сфере материального производства человек обречен остаться навеки скованным «нуждой и внешней целесообразностью», то остается предположить, что подлинная свобода обретается *в сфере духа*, «общественного сознания». Развитие человека является тут «самоцелью», в то время как в экономике наша свобода сводится к «общему контролю» и «наименьшей затрате сил». Вот тебе и материализм⁷.

А Ленин и вовсе не постеснялся вернуть материалистическое понимание истории наизнанку, поменяв местами базис и надстройку: «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку

марксизма»⁸. Ну и чем такой «азбучный» марксизм отличается от первой встречной «политологии»?

Впрочем, и сами категории базиса и надстройки трудно назвать удачной конкретизацией отношения материи и духа. Категории *отражения, выражения, идеального представления* (в ильенковском смысле) позволяют сделать это гораздо более адекватно. Утверждение, что духовное «надстраивается» над материальной первоосновой, покоится на дуалистическом допущении, что это два разных «этажа» реальности, и остается лишь выяснить, какой этаж «первичнее»...

Наиболее оригинальная и солидно аргументированная часть книги С. В. Резванова посвящена критике «иллюзорно-идеалистического» сознания, понятого как «не только искаженное отражение бытия, но и отражение искаженного бытия» (С. 64). Ни одну иллюзию общественного сознания нельзя одолеть, не изменив *практически* материальные условия жизни людей, их общественное бытие. «Рыночному обществу» автор рецензируемой книги противопоставляет будущее «гуманистическое общество», в котором будет править бал наука, освободившаяся от власти денег и сделавшаяся «планово-регулируемой». При этом автор книги весьма критически оценивает современное состояние научного сообщества, погрязшего в вещных, фетишистских мифах-иллюзиях. От диалектики «фактически ничего не осталось», за нее выдаются «примитивные пролетарско-мировоззренческие рефлексии» (С. 200—202). Не вполне ясно при этом, какие же эмпирически наблюдаемые факты или тенденции позволяют питать марксистско-ленинский оптимизм в оценке исторической перспективы *такой* науки, а значит и перспективы смены общества рыночного — «гуманистическим». Не хотелось бы, рассеяв иллюзии «вещного» мира, оказаться во власти других, сколь угодно светлых иллюзий.

В целом же, безусловно, нужно приветствовать выход в свет глубоких и остро полемических философских текстов советской эпохи, к числу которых относится и рассмотренная выше книга С. В. Резванова. ◆

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. II. С. 386—387.

⁷ См. подробнее об этом: А. Д. Майданский. Логика исторической теории Маркса: реформация формаций. — «Логос». 2011. № 2. С. 147—148.

⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 278.